

Горе от ума, или Сатурн пожирает своих сыновей*

"И все-таки она вертится"

Великий насмешник, как называли великого Эразма, говорил: "Счастливы лишь тот, кто лишен разума". Великий разум — великая боль.

Если бы весь человек сводился к рассудку, то его можно бы было заменить компьютером, любого — любым, а все многообразие жизни — двоичной логикой. Люди так верят в разум, что иногда не видят и не слышат, что разум способен тиранить, убивать, угнетать. Чтобы заряжаться, ему приходится порой обращаться в то, против чего разум восстал.

Разве не было Просвещение, из которого мы вышли, догматическим, односторонним, примитивным, нетерпимым описанием бесконечно сложного бытия (редукционизм).

Разве Гельвеций не преклонялся перед Спартой и не ратовал за введение в культуру лагерных порядков, униформы и ранжира? Разве не требовал Вольтер раздавить гадину, то есть религию — мать Просвещения? Разве с Дидро на смену средневековому плюрализму, единству знаний и веры, еретизму не пришла однозначность? Не закончилось ли все это 100-мегатонной водородной бомбой, которую Сахаров предлагал направить на северный мирный порт для испытания ее разрушительной силы, для эксперимента (по опубликованным воспоминаниям его коллег)?

Личностное мышление интеллигента несет в себе одновременно возможность Христа и Антихриста. Интеллектуальная свобода — что-то вроде атомной энергии. Она может служить и добру, и злу, может спасти мир и погубить его.

Опасен не разум, опасно сокрытие неразумного. Опасен не рассудок, опасна рационализация бессознательного. Опасно не знание, опасна безграничная вера в рационализацию не рационализируемого. Опасно одно знание на всех, превращающее человечность в тоталитарность. В то время как давно исчез народ (архаичный, носитель фольклора) = *folk*, и нетрудно представить себе, что *people* тоже исчезает. Все растворяется в массе. Однако масса — это полуфабрикат.

* Статья была прочитана на философском факультете Московского государственного университета.

Давно замечено, что изнанкой рационального знания является сильная власть. Фуко идет дальше: сильная власть неизбежно требует тотальной рационализации. Причем эта взаимность силы и знания значительно глубже, чем предполагал Бэкон. Она капиллярно пронизывает общество: тюрьма и казарма, семья и школа, и не только, все виды официального превосходства человека над человеком, логика всех видов власти. Власть вездесуща благодаря рацио. Тоталитаризм начинается не с вождизма, а с узаконенной историей человечества власти каждого из людей: над женой, ребенком, учеником, солдатом, подчиненным, пациентом, собакой. С некоторым социальным высвобождением женщины и подростка растет педофилия и количество домашних собак в городах.

Знание часто бывало слугой насилия, порой многократно усиливая его: так просвещение стало всесторонним идеологическим обоснованием робеспьеровского террора. Позже Ницше доказывал необходимость насилия, Маркс логически выводил неизбежность пролетарской революции. Сначала они верят, потом они перестают думать, потом они неспособны думать. От Робеспьера до камикадзе. Насаждая бесконечную веру в разум, просветители превращали веру в разум — в религию. Потребовалась интуиция Киркьегора и Фрейда, чтобы за словесными бурями распознать не только темное бытие, но и омассовляющую опасность тотальной рационализации рассудка.

"И все-таки она вертится", то есть вся надежда — на разум. Ибо только потеснив неразумие, можно все-таки выдать из человека раба и из человечества орду.

"Радость моя была радостью интеллектуальной, как и горе. Даже самую красоту я пытался когда-то долго и мучительно уложить в категорию разума. Если хочешь, у меня была одна религия, религия интеллекта. К этому присоединялась идея общественного служения..." (из письма Н.Д. Кондратьева жене из тюрьмы, 1922).

Как стать интеллигентом в 12 лет?

Пишет Евгений Рейн, русский поэт, из Москвы матери Евгения Алберти, поэта итало-русского, в Милан. "А теперь, когда Жене исполняется 4 года, читай ему на ночь глядя Достоевского, тогда к 12 годам он станет настоящим русским интеллигентом".

В 4 года замечательный лингвист Роман Якобсон начал читать. Начиная с четырех лет, в жизни русского интеллигента Жюль Верн занимает

очень важное место. Так я недавно, четыре года исполнилось давно, совершила паломничество в город Нант, Франция, где находится небольшой музей Жюль Верна. Много школьников, но ни одного четырехлетнего интеллектуала. Якобсон же к шести годам становится заядлым читателем. По-русски, по-французски и по-немецки. В 12 лет он редактирует журнал "Студенческая мысль". Всю последующую жизнь он ищет порядок в кажущемся хаосе.

Хотя у России есть и иной опыт. Так, когда русскому царю доложили о научных результатах выдающегося математика Лобачевского и назвали его гением, царь заметил: "России не нужны гении, России нужны верноподданные".

Генеалогия

Когда мы говорим об интеллектуалах, мы рассуждаем об отношениях знания и власти, мысли и действия, теории и практики, утопии и реальности. Фигура интеллектуала и само слово в последние десятилетия стали ускользать, стали неопределенными. Интересно проследить роль интеллектуалов в различные эпохи, хотя бы для того чтобы попытаться понять резкий упадок интереса к ним сегодня. Теме истории интеллектуалов было посвящено много текстов: Вебер (1926 год), Ортега-и-Гассет (1940), Грамши (1949), Шумпетер (1942), Боббио (1955), Арон (1955), Лукач (1962), Адорно (1963), Аренд (1965), Сартр (1972), Хабермас (1985) — вот некоторые из них. Это относится к интеллигенции в контексте западных стран. В истории русской мысли это вечная тема. Слово *интеллектуал* в Европе распространяется в конце 19 века, в частности, во Франции, вызванное к жизни яростной политической и культурной дискуссией по делу Дрейфуса. Хотя само слово встречается уже в середине 15 века в Англии. В 1813 году оно встречается у Байрона, в 1847 году у Раскина, а затем переселяется на континент.

Историю этого слова можно синтезировать следующим образом. 13 января 1898 года Эмиль Золя публикует письмо президенту республики, в котором открывает полемику по делу Дрейфуса. В этом письме Золя еще не использовал слово *интеллектуал*. Знаменитое "Я обвиняю" (название письма) не принадлежит Золя, а принадлежит Жоржу Клемансо редактору журнала, который опубликовал его. На следующий день появляется декларация за подписями писателей, ученых, профессоров университетов с протестом против нарушения юридических норм по делу Дрей-

фуса. Этот документ печатается под названием "Протест", а не, как принято считать, "Манифест интеллектуалов". Так он выходит три дня, а затем, с 17 января по 2 февраля, — "Les protestataires", и там тоже не появляется слово *intellectuel*. И тогда 23 января Клемансо, выражая хвалу всем подписавшим декларацию, пишет: "N'est-ce pas un signe, tous ces intellectuels venus de tous les coins de l'horizon, qui se grouperont sur une idée?". Не правда ли, что это особый знак: все эти интеллектуалы, пришедшие с разных концов горизонта, сплотились вокруг одной идеи? Слово подчеркнуто самим Клемансо. Таким образом, можно считать, что тем самым неологизм вошел в официальную жизнь. Первым в литературе его применил писатель Морис Барре. Интересно отметить, что этот термин соединил как положительное социальное явление (объединение людей против социальной несправедливости), так и отрицательное в виде претензии на сакральность позиции.

Интеллигенция — русское слово. Оно возникло в 19 веке и вошло в словарь всего мира. Сам же феномен, со всеми его историческими, вплоть до революционных, последствиями, представляет собой наиболее значительный и своеобразный вклад России в социальную динамику. Разумеется, следовало бы уточнить разницу между интеллигенцией и интеллектуалами, но мне она сегодня кажется не такой значительной.

Динамику истории идей невозможно представить себе без истории интеллектуалов, которые сделали возможной эту динамику. Это невозможно, не связывая ее с теми интеллектуалами, которые своим стойким мышлением, порою подрывным, способствовали кризису ценностей, основанных на догме, на идеологических слонах. И хотя призванием этих людей было все то же призвание диссидентства, инакомыслия, но идеальный стандарт, который они поднимали, не всегда был одинаковым. Достаточно вспомнить, как их именовали в историческом времени: циники, стоики, еретики, мистики, гностики, протестанты, утописты, анархисты, социалисты и, наконец, интеллигенты. Что общего, например, между циником Диогеном, мистиком Сузо, еретиком Бруно, утопистом Моро или социалистом Марксом? Беспокойство миром, беспокойство будущим, самостоятельность мышления. Протест, антагонизм, трансгрессия, короче говоря, диссидентство как призвание и в некоторых случаях открытый саботаж — революционный жест. Таковы судьбы интеллигенции.

Когда Каутский пишет о различии умственного и физического труда (1894-1895 гг.), он применяет термин *интеллигент*. В каком-то смысле он предвосхищает идею Грамши *intellettuale organico* (*партийный работник*).

Тема различения интеллектуала-ученого и интеллектуала-эксперта, то есть придворного советника, традиционно занимает западную философию. Так, например, софисты настаивали на этом разделении, а Сократ, наоборот, считал его ошибкой, для него "Вся власть находится в горизонте знаний". Сартори считает (1979), что не столь важно соотношение знаний и компетенции, сколько соотношение знаний и власти. При этом он различает четыре варианта: 1) власть без знаний, 2) знание без власти, 3) обладатели знания обладают и властью, 4) обладатели власти обладают и знанием.

Под сенью современности это касается не только интеллектуала-ученого как социального индивидуума, но и как сотрудника крупной корпорации, которая, по сути, представляет собой особую единицу интеллекта. Другими словами, эта особая единица интеллекта выступает как коллективный индивидуум, а в случае Интернета — как коллективный интеллект. С этой точки зрения можно признать их интеллектуальной фигурой, интеллектуал-коллективным ученым, который подчас может выполнять функцию экспертного совета.

И здесь мы встречаемся с новой проблемой — проблемой авторского права и этической ответственности. Например, кого бы Сталин стал преследовать? Впрочем, масштабы его никогда не останавливали. И не его одного. Вспомним, что писал Розанов о родителе русской литературы и наук Ломоносове: "Тут дело не в Ломоносове и не в Шумахере (тайном советнике), а в чем-то третьем: это третье — просто форма, чин, должность, ранг, о который разбивается живой человек. Так разве один Ломоносов тут погиб или одному Ломоносову не удалось: тут не удалось и погибло целое кладбище... Ломоносов только самый яркий, самый большой... оттого-то к нему так и привязаны русские люди, и чтут его, что он символ и эмблема вообще русской судьбы в самой России, горе-горевальница русского человека в своей же земле".

"Совершилось и по днесь совершается что-то дикое и ни в одной земле не бывалое, ни в чьей истории не слыханное: забивание, заколачивание русского человека и русского дара в русском же своем отечестве. Этого — ни у негров, ни у турок, ни у китайцев нет, это только в одной России, у одних русских", — так рассуждал Розанов.

Впрочем, Третьяковское ведь не сожгли, как Джордано Бруно, правда, морду расквасили, да в маске оду заставили читать в Ледяном доме, и спать там же уложили. А вот отречение Галилея перед патерами инквизиции — это уже настоящее театральное шоу.

Де Помбал — культовое слово Лиссабона. Для Португалии он — что Петр для России. Страстный сторонник просвещенной монархии — сеял доброе, разумное, вечное, но без картечи. Тюрьмы петровские под завязку были забиты дворянской знатью, которая не хотела брить бороды.

А сколько раз шел на риск Платон за свое желание, не намерение, изменить нелегальный режим сиракузанских тиранов на королевский режим, основанный на законах, определяющих права и обязанности правителей и управляемых! Именно поэтому он не один раз рисковал жизнью.

Если Платон занимался "государевым делом", то Сократ говорил нечто противоположное — зачем же идти так далеко: познай самого себя, то есть взглядишь в собственное положение, тогда будет понятно, что оно также подлежит закону незнания: "Я знаю, что я ничего не знаю". Сократ рассуждал о предметах, которые близки каждому, о которых часто говорили на рынке в античном городе: о мужестве, о военном искусстве, о добродетели, о морали, о том, что такое красота. И он задавал в диалогах вопросы, направленные на то, чтобы выявить, о чем в действительности говорит человек, имея в виду, что, может быть, есть разница между тем, что говорится, и тем, что высказано. Он шел по пути неэмпирического обоснования этических понятий. Музиль назвал бы его *schmollender Intellektuelle* (ворчащий интеллектуюл).

Горе от ума

Дестабилизирующая речь Сократа привела его, в конце концов, к вынужденному самоубийству. Язык его — враг его. Нет в этом ли — вечная социальная трагедия разума? К счастью, не всегда трагедия принимает экстремальные формы. Нострадамус, Спиноза, Гейне обошлись только сменой религии.

...Рим. Продолжительное судебное разбирательство закончилось 22 июня 1633 г. Последнее заседание проходило в Санта-Мария-сопра-ла-Минерва Доминиканского монастыря в самом центре Рима. Подсудимый стоял на руинах древнего храма богини мудрости. Он дрожал в белом балахоне грешника. Это стоял на коленях перед судом истории автор шедевра научной литературы, Галилео Галилей.

А вот в России — все менее театрально, но более драматично. Воплощение западной рациональности, начатое Петром, приспособляется к культуре, в которой доминирует не собственный тип рациональности, а иррациональность. В 19 веке увлечение наукой породило нигилистиче-

скую интеллигенцию и воплотилось в революцию. После революции во имя науки пришлось пожертвовать православной культурой. А заодно косили головы и судьбы и самих ученых, участников этого действия: среди них — Флоренский, Лосев, Вавилов, Гастев, Гумилев, — и русских философов, гуртом высланных на Запад и тем спасшихся от дальнейшего насилия, не говоря уже о трагедии звездной плеяды поэтов и творческой интеллигенции.

"Не кажется ли тебе, — писал Кондратьев жене из тюрьмы в 1922 году, — что интеллигенция 20-40-х годов прошлого века, люди типа Герцена, Огарева, Хомякова, умели жить более глубокой, полной и содержательной жизнью? Мне кажется — да. ...Вот почему они оставили так много дневников и писем — этих удивительных памятников из истории человеческой личности". Трудно было представить сидящему в тюрьме Кондратьеву, что он сам принадлежал поколению колоссального интеллектуального взрыва, которого никогда еще не знала Россия, а то и мир, по которому проехала тяжелая колесница истории (Кондратьев).

Проблемы 18 века, поднятые на суде инквизиции, актуальны и сегодня, после процессов XX века, когда речь идет о противоречиях между наукой и властью. Россия, как Сатурн, пожирала своих сыновей, и чтобы они снова появились, потребуются десятилетия. Кондратьева я читала по-итальянски в шестидесятые годы в Италии. Студенты миланского экономического университета Бокони спокойно склоняют его имя в связи с большими циклами природы экономики. А судьба Кондратьева попала под то самое колесо истории, которое заставило его молчать вместе с лучшими умами России.

И если тираны Сиракузы

Исайя Берлин, гость из будущего, которому Анна Ахматова, из плеяды великих молчальников русской культуры, посвятила "Поэму без героя", пишет в недавно опубликованном 2-м томе "Истории свободы" о тонком механизме управления сталинской разработки, о том физическом и нервном напряжении на износ, которому люди подвергаются в этой системе, об ужасающих масштабах режима. Он призывает к пристальному изучению этого изобретения. Хотя бы потому, что это такой сильный и эффективный инструмент управления людьми — инструмент, позволяющий сломить человеческую волю и все же одновременно заставить людей работать на максимум своих возможностей, о каком самые

жестокие и беспринципные эксплуататоры капиталистического мира даже мечтать не могли. "Ибо лишь душа, презиращая свободу и человеческие идеалы больше, чем сам Великий Инквизитор Достоевского, могла изобрести этот инструмент; и этот инструмент, держащий в подчинении и страхе восемьсот миллионов* человек, остается... самым важным и самым малоизученным феноменом нашего времени".

И если тираны Сиракуз или папская инквизиция нам сегодня далеки, то совершенно иначе — в домашней географии и в новой истории — воспринимаются тюремные письма Кондратьева. Их трудно и больно читать. Вот уж действительно горе от ума!

Милан

* Вероятно, автор имеет в виду население всех социалистических стран, вместе взятых.